

Артем Смирнов

ЧТО ОЗНАЧАЕТ «КРИЗИС ЛИБЕРАЛИЗМА»

И ЧТО МОЖЕТ ПРЕДЛОЖИТЬ ДЛЯ ВЫХОДА ИЗ НЕГО
ЛИБЕРАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ?

Предполагается, что в разговорах о «кризисе либерализма» всем более или менее ясно, что имеется в виду под либерализмом. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что ясно бывает скорее «менее», чем «более», поскольку, как правило, речь идет о кризисе случайной исторической артикуляции либерализма и демократии, которая дала рождение политическому режиму, известному как «либеральная демократия». Случайность здесь означает отсутствие какой-либо необходимой или «естественной» связи между составляющими этого единства: либерализм может существовать без демократии, а демократия без либерализма. И сегодняшняя практическая и теоретическая дезартикуляция либерализма и демократии, а также связанных с ними идей конституционализма и представительства, делает зримой случайность и историчность этого состояния и показывает возможность существования нелиберальной демократии и недемократического либерализма.

Констановская связь между свободами «древних» (политическими или демократическими свободами) и свободами «современных» (личными или либеральными свободами), воплощенная в либерально-демократическом режиме, сегодня распадается, но совсем не так, как представляли себе этот распад либералы прошлого. Государства вовсе не стремятся утвердить свою «тиранию», отняв либеральные свободы у «народа» (для этого у них нет ни сил, ни средств, ни — главное — желания), напротив, они являются более либеральными, чем когда-либо прежде; нелиберальным или, скорее, недостаточно либеральным оказывается сам деполитизированный «народ», способный все же к популистской мобилизации, ломающей планы элит.

Пожалуй, наиболее показательным примером столкновения между либерализмом и демократией стало голосование по проекту европейской конституции, разработанному (нео)либеральными политическими элитами и решительно отвергнутому французскими и голландскими избирателя-

ми, среди которых лишь немногие занимали четкие крайне правые или крайне левые позиции. Последующие заявления политиков и комментаторов о том, что такая конституция вообще была излишней, так как в предложенном проекте не было ничего нового, что процесс ратификации нужно было доверить парламентам, а не простым избирателям, или что при вынесении проекта на всеобщее голосование его следовало радикально сократить, чтобы он стал доступным рядовому гражданину, свидетельствовали о глубоком недоверии к демократии и сомнениях насчет целесообразности дальнейшего обращения к демократическим процедурам в таких сложных вопросах.

И все же, как оценивать происходящую дезартикуляцию? Какую сторону стоит занять и что важнее — демократия или либерализм? Или, возможно, следует попытаться восстановить артикуляцию между ними, пересмотрев при этом сами понятия либерализма и демократии? Ведь отсутствие необходимой связи между ними не обязательно означает их неизбежную противоположность, а политический словарь либерализма никогда не принадлежал какой-то одной политической силе (и уж тем более он никогда не сводился к одной только экономической свободе, отождествляемой, к тому же, в идеологии неолиберализма исключительно с частной собственностью).

Провал проекта европейской конституции позволил увидеть провал еще одного важного идеологического проекта, призванного, по замыслу Юргена Хабермаса, подтвердить приверженность граждан единой Европы принципам, нормам и ценностям либеральной демократии, — проекта так называемого «конституционного патриотизма», переведенного на общеевропейский уровень. Базовое положение «конституционного патриотизма», заключающееся в том, что для воспроизводства и расширения области действия либеральной демократии достаточно разделять общие политические ценности и не обязательно иметь общую политическую идентичность, обнаружило свою, если и не несостоятельность, то крайнюю уязвимость для критики. Идея, восходящая в своих истоках к специфической ситуации послевоенной Германии и тесно связанная с «проработкой» травматического опыта XX столетия и стремлением избежать эксцессов «этнического» национализма, оказалась неубедительной в более широком контексте.

Проблема сторонников «конституционного патриотизма», как и других либералов, состоит в невнимании к историческим условиям возникновения и функционирования либеральных демократий и к генеалогии ключевых категорий, которыми они оперируют. Появившийся в политической философии 1990-х либеральный национализм стал попыткой поворота к более рефлексивному либерализму. В отличие, скажем, от либерального космополитизма или того же «конституционного патриотизма», он не ставил перед собой задачу серьезной реструктуризации всего мира или его отдельного региона на основе абстрактных принципов, а пытался осмыслить проблемы, встающие перед уже существующими либеральными демократиями, и предложить возможные решения. Исходный тезис либерального национализма заключается в том, что для успешной работы либеральных демо-

кратий недостаточно простого патриотизма, так как политическая лояльность возникает не в результате осознания важности неких ценностей. Поэтому, несмотря на понятную подозрительность многих послевоенных теоретиков либерализма по отношению к национализму, на практике либеральные политики почти всегда — сознательно или нет — обращались к его символическим ресурсам для легитимации собственной власти и, действуя в национальных государствах, *ipso facto* в большинстве своем были «банальными националистами».

Тем не менее само словосочетание «либеральный национализм» вызывает немало вопросов, самым распространенным из которых является «не оксюморон ли это?» Все зависит от того, что понимается под национализмом. Национализм, возникший в конце XVIII века в результате артикуляции идей народного суверенитета и нации как исторического сообщества («национализации» народного суверенитета), на практике устанавливал границы соответствующего политического сообщества и обеспечивал пространство, в котором другие идеологии могли вести борьбу за частичное закрепление своего значения за означаемым «нация». В XIX веке «нация» расширялась за счет включения в нее представителей «опасных классов»: последние получали избирательные и прочие гражданские права в обмен на соблюдение ими либеральных правил (прежде всего, отказ от насилия по отношению к политическим противникам). В результате «нация» стала означать сравнительно стабильную коалицию, отвечавшую стратегическим интересам членов высших и низших классов¹ и включавшую всех граждан, независимо от этнической, расовой, профессиональной, религиозной и иной принадлежности.

Конечно, «нации» вовсе не были такими однородными, какими их представляли себе различные националисты (в том числе «методологические» — социальные и политические ученые, которые, по замечанию Норберта Элиаса, ошибочно принимали «должное» за «сущее»). Они действительно имели общую политическую историю, но не такую продолжительную, какая им приписывалась: «национальная» история начиналась с создания «нации» националистами в борьбе со «старыми» или колониальными режимами. И хотя сегодняшние либеральные националисты признают фиктивность большей части национальной истории, они не спешат отказываться от нее, полагая, что она помогает поддерживать социальную солидарность. Здесь либеральный национализм предлагает классическую формулу фетишизма: мы знаем, что «нация» — это случайное изобретение, но продолжаем действовать так, как если бы мы считали ее необходимой. Обратной стороной этого фетишизма оказывается представление о добровольном характере членства в «нации»: оно практически не имеет значения для большинства из тех, кто становится ее членом по факту рождения, но оно необычайно важно для тех, кто желает стать ее членом. В этом состоит ключевое отличие либерального национализма от его нелиберальных версий: он допускает включение

1. См. об этом: Тамир Ю. Класс и нация // Логос. 2006. № 2 (53). С. 44–48.

в «нацию» новых членов, предлагая заключить с ними своеобразный «общественный договор», включающий в себя в качестве обязательного условия соблюдение либеральных правил и практик принимающей «нации».

Недавнее возникновение теории либерального национализма во многом связано с ростом мобильности населения — одним из наиболее заметных следствий неолиберальной политики, поставившим вопрос о границах политического сообщества. Может, либеральный национализм и способен предложить относительно привлекательное решение проблемы институциональной интеграции иммигрантов, но ему неизвестно, как либеральными средствами можно предотвратить распад «национальной» межклассовой коалиции. Дело в том, что мобильными в современном мире становятся не только иммигранты из сравнительно бедных стран, но и высшие классы, обладающие значительным денежным капиталом, и часть представителей средних классов, обладающих значительным человеческим капиталом. Признавая тезис о добровольности членства в «нации», последние не видят для себя смысла в дальнейшем членстве в ней и имеют гораздо больше общего с элитами других «наций», чем с собственными (немобильными) соотечественниками. Парадокс либерального национализма заключается в том, что заставить элиты отказаться от космополитизма, этого «классового сознания частых путешественников», по выражению Крэйга Калхуна, можно только нелиберальными средствами: они вернутся в «нации» только в том случае, если они столкнутся с серьезными рисками для себя самих и своего богатства.